

УДК 1(091)

DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-76-83

Г. В. БИСЕРОВ

Институт философии РАН,
г. Москва

ПОЗИТИВИЗМ В ФИЛОСОФИИ НИЦШЕ: ДИСКУССИЯ МЕЖДУ МОДМЭРИ КЛАРК И НАДИМОМ ХУСЕЙНОМ

Дебаты о позитивизме Ницше продолжаются в течение десятилетий, и до сих пор в историко-философских исследованиях нет единого мнения о том, в какой степени эпистемологию Ницше можно отнести к позитивизму. С одной стороны, критика метафизики, осуществленная Ницше, выстроена на эмпирических позициях и апеллирует к научным исследованиям позитивистов, что позволяет некоторым авторам называть Ницше «натуралистом». С другой стороны, в Ницше видят предшественника постмодернистского дискурса, для которого знание, добытое опытным путем, представляет собой лишь интерпретацию. Две противоположные трактовки наследия Ницше актуализируют историко-философский анализ источников Ницше, его отношения к науке и позитивистской концепции познания. В статье критически разобран фрагмент дискуссии об отношении Ницше к позитивизму, происходившей в 2000-х годах между ведущими американскими исследователями Модмэри Кларк и Надимом Хусейном. Обзор показывает, что оба автора, несмотря на различие теоретических трактовок, интерпретируют Ницше с позиций позитивизма в широком смысле слова: как исследователя, полагающего данные опыта первичными, отрицающего априори и опирающегося на «тонкую» онтологию, которая предполагает минимальную концептуализацию, необходимую для познания.

Ключевые слова: позитивизм, Фридрих Ницше, Эрнст Мах, аналитическая философия.

1. Ницше и позитивизм. Под позитивизмом в статье понимается концепция, согласно которой научное знание должно ограничиваться данными опыта и исключать из рассмотрения априори или метафизические спекуляции.

Отношение Ницше к позитивизму является одной из центральных проблем интерпретации наследия философа: является ли Ницше приверженцем позитивизма первой или второй волны, философски и методологически неразрывно связанным с естественными науками, или же, наоборот, первым «постмодернистом», который подрывает авторитет естествознания, снижая его роль до одной из интерпретаций в ряду других? В силу большого количества разноплановых публикаций Ницше и сохранившегося обширного архива его работ и черновиков каждая из версий находит свое собственное подтверждение в его текстах.

Сторонники первого подхода утверждают, что упоминания Ницше о науке и научной методологии, а также отсылки к достижениям естественных наук являются основанием для того, чтобы считать его близким к современным ему позитивистам. Согласно этому прочтению, Ницше придерживается в основном эмпирической эпистемологии и в соответствии с ней считает минимальное количество онтологических положений условно истинными. Подобную интерпретацию Ницше отстаивают Джон Вилкоккс [1], Ричард Шахт [2], Модмэри Кларк [3] и Брайан Лейтер [4]. Известно, что Ницше с 1865 года занимался исследованиями натуралиста и позитивиста первой волны Ф. А. Ланге (1828–1875 гг.), ему также были известны труды Спенсера и Конта, он переписывался и обменивался книгами с Эрнстом Махом [5, р. 345] и называл позитивистов (возможно, причисляя к ним и себя)

«грубым трудолюбивым поколением машинистов и мостостроителей будущего, назначение которых — исполнять только черную работу» [6, с. 26].

Попытки позитивистского прочтения Ницше осложняются тем, что в ряде его работ, особенно в «Рождении трагедии» (1872 г.) и неопубликованном очерке «Об истине и лжи во вненравственном смысле» (1873 г.), очевидно скептическое отношение к позитивному знанию. В «Рождении трагедии» Ницше утверждает, что познавательные «сократические рефлексии» науки затрудняют познание на более глубоком и цельном пути трагического искусства [7]. Поскольку именно искусство, а точнее, искусство трагедии помогает постичь жизнь в ее глубине, Ницше критически-насмешливо относится и к позитивной науке. По этой причине Артур Данто [8], Александр Нехамас [9] и Ричард Рорти [10] выступают за «постмодернистское» прочтение эпистемологии Ницше, согласно которому, по выражению Рорти, Ницше предлагает «отбросить саму идею “знания истины”» [10, р. 27]. С этой позицией вероятнее всего согласились бы Жиль Делёз [11] и Жак Деррида [12], а в немецком ницшеведении к ней близки Вольфганг Мюллер-Лаутер [13] и Якоб Деллингер [14].

В силу известного скепсиса Ницше по отношению к научному знанию, логике и «сократическому» началу, исследователям, придерживающимся позитивистской трактовки Ницше, приходится, в свою очередь, выдвигать эволюционную гипотезу, согласно которой Ницше преодолевает тезисы ранних работ и развивает свою позицию в духе эмпиризма в более поздних работах. Именно в таком ключе выстроено прочтение М. Кларк, согласно которой позднее Ницше (1886–1888) можно причислить к предшественникам «четвертого» позитивизма и рассматривать его как «эмпирика и натуралиста, который научился задолго до Куайна обходиться без догматов, присущих этим позициям» [15, р. 369].

2. Эволюционная интерпретация Модмэри Кларк. В книге «Ницше об истине в философии» (1990 г.) Кларк развивает эволюционную точку зрения на концепцию науки Ницше. Кларк выделяет «ранний», «переходный» и «зрелый» этапы Ницше: к первому относится, в первую очередь, неопубликованный текст «Об истине и лжи во вненравственном смысле» (1873 г.), ко второму — «Человеческое, слишком человеческое» (1878 г.) и «По ту сторону добра и зла» (1886 г.), а к третьему — последние шесть опубликованных книг Ницше, включая «К генеалогии морали» (1886 г.). По мнению Кларк, именно ранние работы служат основой для радикальной интерпретации позиции Ницше об относительности научной истины, а более поздний Ницше меняет свою позицию [3, р. 64]. Кларк анализирует тезис Ницше о недостижимости научной истины с нескольких точек зрения: с точки зрения теории языка, с точки зрения репрезентационной теории восприятия Шопенгауэра и с точки зрения метафизической корреспондентной теории истины. Согласно Кларк, радикальная интерпретация верна с точки зрения двух последних подходов, но именно эти две теории отбрасывает «зрелый» Ницше. Разберем ее аргументы более подробно.

Опорным текстом для Кларк служит следующее высказывание из трактата «Об истине и лжи»: *«Итак, что такое истина? Движущаяся толпа метафор, метонимий, антропоморфизмов — короче, сумма человеческих отношений, которые*

были возвышены, перенесены и украшены поэзией и риторикой и после долгого употребления кажутся людям каноническими и обязательными: истины — это иллюзии, о которых позабыли, что они таковы; метафоры, которые уже истрепались и стали чувственно бессильными; монеты, на которых стерлось изображение и на которые уже смотрят не как на монеты, а как на металл» [цит. по: 8, р. 65].

Во-первых, здесь Ницше, по мнению Кларк, использует понятие «иллюзия» эквивалентно понятию «ложь». А поскольку к «иллюзии» можно отнести любую языковую пропозицию в силу конвенциональной природы языка, это может означать, что любая истинная пропозиция будет также и ложной. Такая интерпретация кажется Кларк абсурдной, поскольку не детерминирует высказывание с точки зрения истинности. Поэтому, чтобы хотя бы минимально прояснить позицию Ницше, необходимо предположить, что он не считает, что утверждение может быть одновременно истинным и ложным [3, р. 66].

Тезис данного текста с точки зрения теории языка, по мнению Кларк, скорее касается не содержания высказывания, а произвольности символического означивания. Поскольку знак конвенционален, языковое утверждение полагается истинным в том случае, если оно соответствует конвенции, и ложным в противоположном случае. Таким образом, Ницше не отрицает научную истинность вообще, но лишь определенную теорию научной истинности, а точнее, представление об истинности как о соотносительности с действительностью. Поскольку вне конвенционального знака действительность не существует, невозможно найти несимволизованное означаемое. Кларк далее отмечает слабость этой позиции из-за проблемы самореферентности, а также банальности подчеркивания символического характера языка. В итоге, по мнению Кларк, интерпретация с точки зрения теории языка непродуктивна, поскольку понимание произвольности конвенционального языкового знака тривиально и из него не следует выводов в отношении научной истины [3, р. 69].

Второй способ интерпретации аргумента Ницше, предлагаемый Кларк [15], использует теорию представления Шопенгауэра [16]. Репрезентативная теория Шопенгауэра гласит, что восприятие с точки зрения сознания обращается исключительно к репрезентации (ментальным объектам, объектам воображения), но не к объектам действительности. Поэтому говорить и мыслить можно исключительно о «представлениях», но не об экстраментальных предметах» [3, р. 83]. Следовательно, языковые выражения также не соотносятся с «вещью в себе». Таким образом, аргумент теории языка отходит на второй план, усиливая субъективность восприятия.

Вопреки утверждениям, что идеи (концепты) могут схватывать действительность в более глубоком смысле, чем непосредственные факты восприятия, Ницше, согласно Кларк, полагает, что любая концепция вдвойне удалена от действительности: вначале возникает дистанция между объектами реальности и объектами восприятия, а затем концептуализация исключает индивидуальное (а значит, истинное, реальное) из этих объектов восприятия. Теория, таким образом, возможна только как сложное здание понятий, построенное «на подвижных фундаментах, точно на поверхности текучей воды» [17, с. 441].

По мнению Кларк [3, р. 87–88], ранний Ницше развивает эволюционную теорию познания, согласно которой интеллект есть инструмент выживания и соображения эволюции диктуют те или иные элементы когнитивной конституции, включая логику вообще. В таком случае не истинность того или иного суждения являются критерием его ценности для выживания, а наоборот, ценность для выживания является критерием истинности суждения. То есть цель познания содержится в практической цели. В начале трактата «Об истине и лжи...» Ницше говорит о том, что интеллект развивается как инструмент существования. В конце он сравнивает науку и искусство с точки зрения их ценности для жизни.

Таким образом, ранняя теория истинности Ницше в интерпретации Кларк может быть суммирована в трех утверждениях:

- (1) Истина не ограничена человеческим интересом, счастьем или полезностью, а обладает универсальным характером как для, так и вне человека.
- (2) Только благодаря соответствию «вещи в себе» утверждение может быть истинным.
- (3) Поэтому утверждения, на которые способен человек, не могут соответствовать «вещи в себе» и не могут считаться истинными.

Иными словами, по мнению Кларк, в трактате «Об истине и лжи...» Ницше принимает позицию Канта о том, что «вещь в себе» может быть помыслена, и предполагает, что истинность означает соотносительность с «вещью в себе». Ницше допускает независимое существование вещей, но, принимая теорию представления Шопенгауэра, полагает, что доступ к этим объектам невозможен.

В книге «Человеческое, слишком человеческое» (1878 г.) Ницше встает на промежуточную или переходную позицию агностицизма в отношении знания «вещи в себе»: невозможно исключить вероятность того, что истина радикально отличается от наилучшей теории, но также нельзя знать, так это или нет [3, р. 99]. Иными словами, по Ницше соотносительность познания с «вещью в себе» установлена быть не может. Главное отличие этой новой позиции от ранних работ, по мнению Кларк, заключается в том, что в последних агностицизм практически отсутствует. И если в ранних работах Ницше склоняется к утверждению, что истина не может быть познанной, в «Человеческом...» именно агностицизм противопоставляет отрицанию метафизического мира.

В поздний период Ницше, по мнению Кларк, преодолевает одновременно и «вещь в себе», и отрицание истинности, развивая неокантианскую схему истины. Для пояснения его позиции Кларк проводит различие между метафизическим реализмом и умеренным реализмом. Согласно умеренному реализму, наилучшая теория, которую можно считать истинной, тем не менее может быть «ложной», поскольку умеренный реализм не опирается на идею существования мира независимо от человеческого субъекта. При этом метафизический реализм полагает, что истина не зависит не только от познавательных возможностей человека, но и от целей познания. Согласно умеренному реализму, понятие истины не исключает возможности того, что теория, которая дает исследователю все необходимое (ясность, дескриптивный и прогностический потенциал и пр.), может все же оказаться не истинной. Кант отрицает метафизический реализм в отношении понятия феномена, но утверждает его в отношении ноумена: для Канта

«вещь в себе» не зависит ни от возможностей познания, ни от целей познания, в то время как феноменальная действительность и соответствующая ей истина не зависят от познавательных возможностей, но зависят от целей познания.

Кларк полагает, что позиция зрелого Ницше близка к неокантианству и умеренному реализму: Ницше отрицает возможность «вещи в себе» и, соответственно, отрицает метафизический реализм, а его понимание истины соответствует пониманию Кантом истины в феноменальной действительности. По мнению Кларк, Ницше осознает недопустимость тезиса о фальсификации истины в 15-м афоризме книги «По ту сторону добра и зла» (1886 г.), в котором подчеркивается, что сам факт эмпирического познания требует предположения реальных, независимых объектов в виде чувств восприятия: *«Тем самым сенсуализм есть <...> регулятивная гипотеза, чтобы не сказать эвристический принцип. — Как? а некоторые говорят даже, что внешний мир есть будто бы творение наших органов. Но ведь тогда наше тело, как частица этого внешнего мира, было бы творением наших органов! Но ведь тогда сами наши органы были бы творением наших органов! Вот, по-моему, полнейшая reductio ad absurdum <...>. Слеговательно, внешний мир не есть творение наших органов?»* [6, с. 27]. Кларк утверждает, что в последних шести книгах Ницше отсутствуют свидетельства его «раннего» отрицания истины: Ницше более не утверждает, что мир восприятия сфальсифицирован или что наука, логика и математика фальсифицируют действительность [3, р. 103].

Подводя итог, можно кратко описать позицию Кларк (1990 г.) следующим образом. Ранний Ницше стоит на позиции кантовского «перспективизма», то есть отрицания научной истинности, под влиянием «вещи в себе» Канта и корреспондентной теории истины: поскольку соотносительность с «вещью в себе» недостижима, любые выдвигаемые человеком знания Ницше считает фальсификацией. По мнению Кларк, именно этот тезис служит основой для «постмодернистского» прочтения Ницше. Согласно Кларк, зрелый Ницше преодолевает тезис о фальсификации знания и принимает в качестве рабочей гипотезу о достоверности чувственного восприятия. Внеаприорный, эпистемологический характер этой гипотезы делает Ницше предшественником новейших «позитивистов» — аналитических философов.

3. Надим Хусейн: эпистемология Ницше как махизм. Надим Хусейн в статье «Позитивизм Ницше» [5] подвергает критике эволюционную теорию Кларк. Хусейн подробно разбирает позитивистские взгляды современников Ницше, которые, по его мнению, оказали на Ницше определенное влияние: Фридриха Альберта Ланге, Африкана Шпира, Эрнста Маха и Огюста Конта. Хусейн заключает, что использование концепции Маха позволяет сохранить тезис Ницше о фальсификации знания («знание — фальсификация действительности») и при этом считать Ницше эмпириком. Хусейн разделяет мнение ряда авторов о том, что Ницше отстаивает тезис о фальсификации знания и в поздние периоды.

Хусейн соглашается с Кларк в том, что Ницше отрицает «вещь в себе» и признает мир феноменальных явлений как единственную действительность. При этом он указывает на влияние неокантианцев, в том числе Фридриха Ланге, Африкана

Шпира и Густава Тейхмюллера, на позицию Ницше. Поскольку неокангианцы предлагали особую интерпретацию понятия феномена и мира феноменальных явлений, отказ Ницше от «вещи в себе», по мнению Хусейна, приводит его к позиции, которую представляет один из его современников, а именно к нейтральному монизму Эрнста Маха (1838–1916 гг.). Считая Ницше методологическим позитивистом второй волны, эпистемологически близким Маху, Хусейн полагает, что Ницше одновременно принимает тезис о ценности науки и тезис о фальсификации чувственного восприятия.

Хусейн обнаруживает тезис о фальсификации чувственного восприятия именно в тех книгах, в которых, по мнению Кларк, происходит его преодоление: в «Веселой науке» (1882 г.) и в «По ту сторону добра и зла» (1886 г.). Кроме того, по мнению Хусейна, «ранний» тезис Ницше о фальсификации знания можно найти и в «Сумерках идолов» (1886 г.), а также в черновых фрагментах того же периода [5, р. 327].

Основной проблемой в прочтении Кларк для Хусейна является то, что оно не может прояснить присутствие тезиса о фальсификации и отрицания «вещи в себе» в тексте «По ту сторону добра и зла» [5, р. 328]. По мнению Хусейна, интерпретация Кларк не снимает этого противоречия, а ключ к пониманию позиции Ницше в отношении принадлежности его концепции к позитивизму следует искать в отрывке из «Сумерек идолов» (1886 г.), в котором Ницше выделяет шесть стадий эволюции «истинного мира», которые соответствуют его интерпретации стадий истории познания:

3. *Истинный мир недостижим, недоказуем, не может быть обещан, но даже в качестве мыслимого он является утешением, долгом, императивом.*

(В сущности, старое солнце, но сквозь пелену тумана и скепсиса: идея стала вконец утонченной <...> кенигсбергской.)

4. *Истинный мир недостижим? Во всяком случае, не достигнут. А поскольку не достигнут, то и неведом. Следовательно, он и не утешает, не спасает и не обязывает: к чему может обязывать нас нечто неведомое?*

(Серое утро. Первое позывание разума. Петушинный крик позитивизма.)

5. *Истинный мир — идея, ни на что больше не нужная и даже ни к чему более не обязывающая, — бесполезная, ставшая излишней идея, следовательно, опровергнутая идея — упраздним ее!*

6. *Мы упразднили истинный мир — какой же мир остался? Быть может, кажущийся? ... Но нет! Вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся!* [18, с. 33–34]

Можно предположить, что четвертая стадия подразумевает позитивизм О. Конта, а пятая и шестая стадии означают его дальнейшее развитие (себя Ницше причисляет к последней). Позитивизм Конта попадает на четвертую ступень развенчивания «идеи истины», поскольку Конт признает непознаваемость «вещи в себе», но не отрицает ее существование, то есть придерживается агностической «промежуточной» позиции по Кларк. Однако на пятой стадии «вещь в себе» отбрасывается вовсе, а на шестой признается, что если нет мира истины, то не может быть и мира кажущегося. Хусейн полагает, что стадии пятая и шестая близки концепции эмпириокритицизма Э. Маха: по его мнению, концепция нейтрального монизма Маха неразрывно связана с позицией Ницше [5, р. 333].

Напомним основные положения Маха, изложенные во вводной главе «Анализа ощущений» (1886 г.). Согласно Маху, мир действительно состоит из ощущений, называемых «сенсорными элементами». Эти элементы не принадлежат какому-либо психологическому субъекту, а являются базовыми составными частицами мироздания. Ряды относительно стабильных сенсорных элементов (комплексы) получают отдельные имена: близость субъекта с этой общей суммой постоянства и ее преобладание по сравнению с изменчивым побуждают к частично инстинктивной, частично добровольной и сознательной экономике умственного представления и обозначения, что выражается в обычной мысли и речи. Однако, согласно Маху, полезная привычка обозначать относительно стабильные комплексы однозначными именами, а также воспринимать их как отдельные мысли приводит к заблуждению о том, что существует единое целое со множеством атрибутов. Таким же образом возникает «ужасное понятие "вещи в себе", непознаваемой и отличной от ее феноменологических проявлений» [19, с. 32]. Как подчеркивает Мах, после исключения «вещи в себе» (в версии Канта и Шпира) необходимо занять позицию нейтрального монизма, приняв то, что сенсорные элементы не следует воспринимать субъективно или объективно и считать принадлежащими какому-то определенному виду. «Очевидный» мир, как экономная картина, складывающаяся из комплексов ощущений, также должен быть подвергнут критике.

Хусейн анализирует несколько фрагментов из работы Ницше «Сумерки идолов» и находит большое сходство между ними и описанной выше позицией Маха. Чувства, по мнению Ницше, не глут сами по себе, но фальсификацией является восприятие данных чувств как достоверного знания: «<...> то, что мы сами делаем из них свидетельства, вкладывает в них ложь, — к примеру, ложь единства, ложь вечности, субстанции, длительности... "Разум" — причина того, что мы искажаем свидетельство чувств. <...> "Кажущийся мир" и есть единственный: "истинный мир" только прилаган к нему...» [18, с. 29]. То, что согласно Ницше, язык и мышление формируют ложное впечатление единства, является для Хусейна результатом радикализации натуралистических аргументов Маха [5, р. 327]. Если Мах говорит о естественной и практической тенденции соединять элементы чувственного восприятия в воспринимаемые целостные комплексы, то Ницше, согласно Хусейну, утверждает, что использование языка и концептуализации ведет к фальсификации.

Для Маха приравнивание действительности к сенсорным элементам является эмпирическим фактом. Согласно Маху, если для физика тела кажутся реальным, постоянным существованием, тогда как ощущения рассматриваются лишь как их мимолетное, преходящее зрелище, физик, исходя из этого, забывает, что все тела являются лишь символами мысли для комплексов ощущений [5, р. 332]. Мир чувственных элементов принимается как данность без априорного знания о природе действительности. Именно тот факт, что человек имеет возможность наблюдать сенсорные элементы, позволяет отождествлять действительность с миром сенсорных элементов. Как только мы принимаем невозможность «вещи в себе», наблюдаемый мир становится единственно реальным миром. Таким образом, в некотором смысле происходит непосред-

ственное осознание сенсорных качеств: их элементы входят непосредственно в сознание без изменения формы.

Но в тот самый момент, когда формулируется высказывание о мире сенсорных элементов, начинается фальсификация. Любая попытка мыслить мир сенсорных элементов включает в себя концептуализацию, а концепты фальсифицируют действительность сенсорных элементов. Таким образом, для Маха физиология, как и любая интерпретация действительности, выбирает ряд комплексов сенсорных элементов (кластеров) вместо других и идентифицирует их ассоциации, но не может объяснять доступ к миру сенсорных элементов.

Физика и физиология, таким образом, иллюстрируют взаимодействие сенсорных элементов. Сами по себе они не дают объяснения происхождению этих элементов. Присутствие сенсорных элементов полагается данным, отправной точкой эмпирического рассуждения. Хусейн считает, что в подобном ключе нужно интерпретировать 14-й афоризм «По ту сторону добра и зла»: «<...> физика тоже есть лишь толкование и упорядочение мира (по нашей мерке! с позволения сказать), а не мирообъяснение» [6, с. 26]. В прочтении Маха причинно-следственные связи также можно считать фальсификацией. Действительность сенсорных элементов предполагает кластеры, комплексы или группы элементов, находящиеся в определенном взаимоотношении друг с другом. Каузальные связи предполагают соответствующие отношения между объектами или событиями, однако для сенсуалиста не существует ни объектов, ни событий.

По мнению Хусейна, Мах обеспечивает фундамент для интерпретации большей часть представлений Ницше о научных теориях и роли чувств в них, совместимой, по крайней мере с точки зрения эмпириокритицизма, с ницшевским тезисом о фальсификации [5, р. 350]. Языковые структуры и соответствующие им ментальные концепты и есть искусственно сращенные комплексы ощущений. Таким образом, недостатки, возникающие при интерпретации Кларк 15-го афоризма «По ту сторону добра и зла», снимаются по Хусейну следующим образом. Во-первых, «мир сенсорных элементов» Маха позволяет устранить противоречие между отказом от «вещи в себе» и сохранением тезиса о фальсификации. Во-вторых, Хусейн связывает фальсификацию «хаоса ощущений», о которой говорит Ницше, не с действительными ощущениями, а с действительностью вообще согласно концепции элементов Маха. Иными словами, эмпирический опыт предполагается априорно данным: нет смысла искать какие-либо различия между элементами восприятия и элементами действительности, поскольку единственной действительностью остается действительность сенсорных элементов.

4. Ответ Кларк: пост-позитивизм Ницше. В статье «Пост-позитивизм Ницше» (2004 г.) [15] Кларк в соавторстве с Д. Дудриком отвечает на аргументы Хусейна. По мнению Кларк, основная причина изначального принятия тезиса о фальсификации в ранних работах Ницше заключается в том, что он одновременно принимает тезис об истине как о «вещи в себе» Канта. По этой причине Ницше вынужден заключить, что знание, полученное эмпирическим путем, не соотносимо с сущностью вещей («вещью в себе»). Когда Ницше преодолевает «вещь в себе», у него исчезают основания и для тезиса о фальсификации. Для Хусейна привле-

кательность сенсуализма Маха заключается в том, что эта позиция позволяет соединить тезис Ницше о фальсификации и эмпиризм (тезис об истинности чувственного восприятия) Ницше в его историческом контексте [5, р. 355]. По мнению Кларк, подобное объединение неизбежно будет нести на себе отпечаток феноменализма, то есть идеалистической трактовки феноменальной действительности.

С одной стороны, Кларк соглашается с Хусейном в том, что ее толкование «По ту сторону добра и зла» Ницше, на котором основан тезис о поворотном моменте в осознании Ницше, противоречиво, и полагает, что в этой работе Ницше перестает придерживаться своего раннего тезиса о фальсификации. Она согласна с Хусейном и в том, что ряд положений Ницше, а в первую очередь тезис о том, что «сенсуализм есть ... руководящая гипотеза, чтобы не сказать эвристический принцип...», оставлен в ее ранней работе без должного внимания. В то же время Кларк продолжает утверждать, что Ницше отказывается от тезиса о фальсификации чувственного восприятия в поздних работах. Для обоснования своего центрального тезиса Кларк вновь обращается к 15-му афоризму в «По ту сторону добра и зла». Представленная Хусейном интерпретация фрагмента в русле Маха переводит дискуссию из эпистемологической в онтологическую плоскость, поскольку «мир сенсорных элементов» Маха, по мнению Кларк и Дудрика, безусловно, представляет собой онтологическую гипотезу. Кларк считает сенсуализм гипотезой о роли чувственного познания в познании, а Мах полагает его гипотезой о познаваемом мире [15, р. 373]. В противоположность ему Кларк воспринимает позицию Ницше эпистемологически: органы чувственного восприятия порождают знание, выступают в каузальной связи с познанием. В своей интерпретации Кларк напрямую опирается на текст афоризма Ницше: «Чтобы с чистой совестью заниматься физиологией, нужно считать, что органы чувств не суть явления в смысле идеалистической философии: как таковые, они ведь не могли бы быть причинами» [6, с. 27]. По мнению Кларк, Ницше в данном случае следует понимать буквально: он одобряет занятия физиологией «с чистой совестью» и поэтому вынужден принять, что данные органов чувств являются не просто феноменами, а причинами для познания.

Кларк утверждает, что Ницше различает два типа сенсуализма, один из которых он поддерживает, а другой отвергает. Нужно различать сенсуализм как утверждение о том, что органы чувств дают знание о действительности, то есть являются своего рода причинами для знаний, и сенсуализм, который выстраивает концептуализацию на основе чувственного восприятия. Ницше поддерживает сенсуализм как источник эмпирических данных для физических доктрин без их концептуализации. То есть популярный «народный» сенсуализм, но очищенный от утверждения, что эмпирические теории могут дать объяснения действительности. И напротив, Ницше отвергает сенсуализм как дескриптивную гипотезу, как конечный способ объяснения действительности. (Именно так интерпретируют сенсуализм, по мнению Кларк, Шпир и Мах.) Таким образом, сенсуализм Маха предстает идеалистическим эмпиризмом, заходящим гораздо дальше, чем Ницше готов ему позволить. Шпир, как и Мах, интерпретирует доверие чувственному восприятию онтологически. Кларк утверждает, что для Ницше

сенсуализм есть лишь эпистемологическая установка, «внедогматический эмпиризм» [15, р. 377].

В итоге Кларк более тонко формулирует свой тезис (1990) о поворотном моменте для Ницше в 15-ом афоризме «По ту сторону добра и зла»: для Ницше становится очевидно, что никакой онтологический сенсуализм невозможен без априорных утверждений.

Эмпириокритицизм или нейтральный монизм Маха, который Хусейн обнаруживает у Ницше, предполагает некое изначальное знание о теле. Поэтому, если в строгом смысле придерживаться «физиологии» как тезиса о происхождении знания из чувств, невозможно прийти к феноменализму или перспективизму, поскольку последние предполагают онтологическую догму, выходящую за рамки эмпирического знания. Именно это противоречие, по мнению Кларк, и нащупывает Ницше в 15-ом афоризме, и именно этого противоречия не может избежать феноменалистская концепция нейтрального монизма Маха. Кларк, таким образом, обосновывает свой взгляд на Ницше как на «пост-позитивиста», обходящегося минимальным онтологическим багажом. [15, р. 369].

5. Итоги дискуссии: Ницше как натуралист. В обзоре кратко рассмотрен фрагмент методологической дискуссии о Ницше и позитивизме. Из исторической перспективы очевидно, что время творчества философа совпало с подъемом естественнонаучного мышления в Европе, поэтому идеи позитивистов, в особенности достижения точных и естественных наук, живо интересовали Ницше [4, 20]. В последние полтора-два десятилетия дискуссия об отношении Ницше к позитивизму сначала медленно угасла, но затем возродилась в новой форме — на фоне антропологических прочтений философии Ницше [подробнее см.: 21]. Выходят новые монографии, посвященные натуралистическому (пост-позитивистскому) прочтению теории истины у Ницше [22]. При этом аргументы Кларк и Хусейна остаются актуальными для выяснения базовых позиций в этой дискуссии.

Несмотря на то, что прочтения Кларк и Хусейна разнятся, можно выделить общее: оба исследователя согласны с тем, что Ницше серьезно относится к эмпирическому опыту и в целом, согласно 15-му афоризму «По ту сторону добра и зла», придерживается скорее эмпиризма, нежели рационализма. Попытка Хусейна представить методологию Ницше в духе эмпириокритицизма Маха выглядит неубедительно, особенно после ответа Кларк, в котором она указывает на внутреннее противоречие «нейтрального монизма», которое Ницше не мог не замечать. В то же время Хусейн поднимает целый пласт отсылок Ницше к современникам, включая Шпира, Ланге, Конта и Маха, что служит продуктивным основанием для контекстуализации ключевых тезисов «По ту сторону добра и зла» о научном знании. В частности, становится очевидным, что именно позитивистов Ницше называет «грубыми машинистами» нового времени в 14-ом афоризме.

Интерпретация Кларк построена более тонко: она выделяет два сенсуализма у Ницше и последовательно доказывает, что Ницше придерживается эпистемологического сенсуализма («мы вынуждены доверять чувствам, это регулятивная гипотеза») но отвергает онтологический сенсуализм, к которому Кларк относит перспективизм, нейтральный монизм Маха, а также постмодернизм. Таким образом, в прочтении Кларк Ницше становится не-

посредственным предтечей аналитического позитивизма с его «тонкой» онтологией — онтологией в подчинении у научного познания, иными словами, американской аналитической традиции.

Наконец, следует отметить, что для интерпретации в русле Кларк, предполагающей неопозитивистскую методологию у Ницше, требуется принять тезис об эволюции его взглядов, поскольку «Рождение трагедии», как и другие ранние работы Ницше, очевидно не вписываются в эти трактовки. Поэтому любое утверждение о целостности и единстве концепций Ницше будет вынуждено отвергнуть и неопозитивистскую трактовку его эпистемологии.

Библиографический список

1. Wilcox J. T. Truth and Value in Nietzsche: A Study of His Metaethics and Epistemology. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1974. 229 p.
2. Schacht R. Nietzsche. London: Routledge, 1983. 546 p.
3. Clark M. Nietzsche on Truth and Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 298 p.
4. Leiter B. Routledge Philosophy Guidebook to Nietzsche on Morality. London, NY: Routledge, 2002. 232 p.
5. Hussain N. J. Z. Nietzsche's Positivism // European Journal of Philosophy. 2004. Vol. 12, no. 3. P. 326–368. DOI: 10.1111/j.0966-8373.2004.00213.x.
6. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 5. По ту сторону добра и зла. М.: Культурная революция, 2012. 480 с.
7. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 1. Ч. 1. Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 годов. М.: Культурная революция, 2012. 301 с.
8. Danto A. Nietzsche as Philosopher. NY: Columbia University Press, 1965. 336 p.
9. Nehamas A. Nietzsche: Life as Literature. Cambridge: Harvard University Press, 1985. 261 p.
10. Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 218 p.
11. Deleuze, G. Friedrich Nietzsche & Philosophy. NY: Columbia University Press, 1983. 221 p.
12. Derrida J. Spurs: Nietzsche's Styles / trans. Barbara Harlow. Chicago: The University of Chicago Press, 1979. 165 p.
13. Müller-Lauter W. Über Werden und Wille zur Macht. Nietzsche Interpretationen I. Berlin, NY: De Gruyter, 1999. 412 S.
14. Dellinger J. 'In summa bereitete die Wissenschaft eine souveräne Unwissenheit vor'. Nietzsches Wissenschaftsbegriff zwischen Selbstaufhebung und Wille zur Macht // Nietzsches Wissenschafts-Philosophie / Eds.: H. Heit, G. Abel, M. Brusotti. Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. S. 149–160.
15. Clark M., Dudrick D. Nietzsche's Post-Positivism // European Journal of Philosophy. 2004. Vol. 12, no. 3. P. 369–385. DOI: 10.1111/j.0966-8373.2004.00214.x.
16. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собрание сочинений. В 5 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 5–209.
17. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 1. Ч. 2. Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 годов. М.: Культурная революция, 2014. 480 с.
18. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 6. Сумерки идолов. М.: Культурная революция, 2009. 408 с.
19. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Территория будущего, 2005. 301 с.
20. Gori P. The theory of knowledge of Mach and Nietzsche // Giornale Critico della Filosofia Italiana. 2011. Vol. 7, no. 2. P. 352–382.
21. Meyer M. Reading Nietzsche through the Ancients. Berlin, Boston: De Gruyter, 2014. 304 p.

22. Bornedal P. Nietzsche's Naturalist Deconstruction of Truth: A World Fragmented in Late Nineteenth-Century Epistemology. Lexington Books, 2020. 300 p.

БИСЕРОВ Глеб Владимирович, аспирант сектора истории западной философии.
Адрес для переписки: gleb.biserov@gmail.com

UDC 1(091)
DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-76-83

Для цитирования

Бисеров Г. В. Позитивизм в философии Ницше: дискуссия между Модмэри Кларк и Надимом Хусейном // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 3. С. 76–83. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-76-83.

Статья поступила в редакцию: 05.06.2020 г.
© Г. В. Бисеров

G. V. BISEROV

Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

NIETZSCHE'S POSITIVISM: DISCUSSION BETWEEN MAUDEMARIE CLARK AND NADEEM HUSSAIN

The paper explores a fragment of methodological debate about Nietzsche's relationship to positivism. On the one hand, Nietzsche's critique of metaphysics is grounded in empirical arguments and appeals to positivist epistemology of his contemporaries, which allows a number of authors to consider Nietzsche as a «naturalist» and a precursor of post-positivist analytical theories of truth. On the other hand, an older reading of Nietzsche is quite the opposite: Nietzsche has been called a perspectivist for whom any truth is just an interpretation. The discussion between Clark and Hussain lays out the basic arguments of the contemporary reading of Nietzsche's epistemology in its relation to positivism and, despite the disagreement between the authors, my analysis points to a conclusion that in contemporary American philosophy the positivist reading of Nietzsche's epistemology prevails.

Keywords: positivism, Friedrich Nietzsche, Ernst Mach, analytic philosophy.

References

1. Wilcox J. T. Truth and Value in Nietzsche: A Study of His Metaethics and Epistemology. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1974. 229 p. (In Engl.).
2. Schacht R. Nietzsche. London: Routledge, 1983. 546 p. (In Engl.).
3. Clark M. Nietzsche on Truth and Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 298 p. (In Engl.).
4. Leiter B. Routledge Philosophy Guidebook to Nietzsche on Morality. London, NY: Routledge, 2002. 232 p. (In Engl.).
5. Hussain N. J. Z. Nietzsche's Positivism // European Journal of Philosophy. 2004. Vol. 12, no. 3. P. 326–368. DOI: 10.1111/j.0966-8373.2004.00213.x. (In Engl.).
6. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 5. Po tu storonu dobra i zla [Complete works. In 13 vols. Vol. 5. Beyond Good and Evil]. Moscow, 2012. 480 p. (In Russ.).
7. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 1. Ch. 1. Rozhdeniye tragedii. Iz naslediya 1869–1873 godov [Complete works. In 13 vols. Vol. 1. Part 1. The Birth of Tragedy. From the Heritage of 1869–1873]. Moscow, 2012. 301 p. (In Russ.).
8. Danto A. Nietzsche as Philosopher. NY: Columbia University Press, 1965. 336 p. (In Engl.).
9. Nehamas A. Nietzsche: Life as Literature. Cambridge: Harvard University Press, 1985. 261 p. (In Engl.).

10. Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 218 p. (In Engl.).
11. Deleuze G. Friedrich Nietzsche & Philosophy. NY: Columbia University Press, 1983. 221 p. (In Engl.).
12. Derrida J. Spurs: Nietzsche's Styles / trans. by B. Harlow. Chicago: The University of Chicago Press, 1979. 165 p. (In Engl.).
13. Müller-Lauter W. Über Werden und Wille zur Macht. Nietzsche Interpretationen I. Berlin, NY: De Gruyter, 1999. 412 s. (In Germ.).
14. Dellinger J. 'In summa bereitet die Wissenschaft eine souveräne Unwissenheit vor'. Nietzsches Wissenschaftsbegriff zwischen Selbstaufhebung und Wille zur Macht // Nietzsches Wissenschafts-Philosophie / Eds.: H. Heit, G. Abel, M. Brusotti. Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. S. 149–160. (In Germ.).
15. Clark M., Dudrick D. Nietzsche's Post-Positivism // European Journal of Philosophy. 2004. Vol. 12, no. 3. P. 369–385. DOI: 10.1111/j.0966-8373.2004.00214.x. (In Engl.).
16. Schopenhauer A. Mir kak volya i predstavleniye [The World as Will and Representation] // Sobraniye sochineniy. V 5 t. [Collected works. In 5 vols.]. Moscow, 1992. Vol. 1. P. 5–209. (In Russ.).
17. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 1. Ch. 2. Nesvoyevremennyye razmyshleniya. Iz naslediya 1872–1873 godov [Complete works. In 13 vols. Vol. 1. Part 2. Untimely

thoughts. From the heritage of 1872–1873]. Moscow, 2014. 480 p. (In Russ.).

18. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 6. Sumerki idolov [Complete works. In 13 vols. Vol. 6. Twilight of the Idols]. Moscow, 2009. 408 p. (In Russ.).

19. Mach E. Analiz oshchushcheniy i otnosheniye fizicheskogo k psikhicheskomu [The Analysis of Sensations, and the Relation of the Physical to the Psychological]. Moscow, 2005. 301 p. (In Russ.).

20. Gori P. The theory of knowledge of Mach and Nietzsche // *Giornale Critico della Filosofia Italiana*. 2011. Vol. 7, no. 2. P. 352–382. (In Engl.).

21. Meyer M. Reading Nietzsche through the Ancients. Berlin, Boston: De Gruyter, 2014. 304 p. (In Engl.).

22. Bornedal P. Nietzsche's Naturalist Deconstruction of Truth: A World Fragmented in Late Nineteenth-Century Epistemology. Lexington Books, 2020. 300 p. (In Engl.).

BISEROV Gleb Vladimirovich, Graduate Student of History of Western Philosophy Sector, Institute of Philosophy.

Address for correspondence: gleb.biserov@gmail.com

For citations

Biserov G. V. Nietzsche's Positivism: discussion between Maudemarie Clark and Nadeem Hussain // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 3. P. 76–83. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-76-83.

Received June 05, 2020.

© **G. V. Biserov**